

ИСТОРИЯ

Б.Г. Алиев

ЛИЧНО ЗАВИСИМЫЕ (КРЕПОСТНЫЕ) КРЕСТЬЯНЕ ДАГЕСТАНА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Среди дагестанского крестьянства, как и среди феодалов, были различные категории или сословные группы, отличавшиеся друг от друга по происхождению, экономическому и социально-правовому положению.

Как дореволюционные, так и исследователи советского и постсоветского периодов, в той или иной мере касаясь социально-экономических отношений в Дагестане, тем более сословных групп феодалов и класса крестьянства, затрагивали и этот вопрос. Почти в каждой работе наряду с другими сословными группами отмечаются и категории лично зависимых крестьян. Причем в ряде монографий исследователей имеет место и довольно подробное освещение отдельных сословных групп феодально- и лично зависимого крестьянства. Имеются также специальные статьи, посвященные отдельным группам лично зависимого крестьянства.

Хотя историография вопроса обширна, но нет пока цельной специальной работы – ни монографического плана, ни в виде отдельной статьи, посвященной лично зависимым крестьянам Дагестана. Собственно этим и вызвано наше обращение к этой теме.

Самым многочисленным было сословие лично и феодально-зависимого дагестанского крестьянства – раятов. Сословие раятов существовало и в Горном, и Нагорном Дагестане, и на равнине, т.е. в феодальных владениях всех природно-географических зон, где они располагались.

В исследуемый нами период раяты были основным податным сословием крестьян Дагестана. Сидели они на частновладельческих землях феодальных владельцев и беков или же на землях, пожалованных в условное владение бекам и служилому узденству. Это крестьяне, не имевшие собственной земли и пользовавшиеся землями чужих владельцев.

Термины «раят», «райят», «райиат», «райиет» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 166, 228, 231, 273, 278; *Хашаев Х.М.*, 1961. С. 177, 179; *Рамазанов Х.Х.*, *Шихсаидов А.Р.*, 1964. С. 154–155; *История Дагестана*, 1967. С. 240) – это разные наименования, применяемые в различных странах и регионах для обозначения одной из категорий крестьянства. В «Советской исторической энциклопедии» и в «Большой советской энциклопедии» в статье И.П. Петрушевского, раскрыто содержание термина раят, указаны обстоятельства возникновения его. В частности указано, что райяты *райат* (множ. ч. *райа*, *раайта*, *райя*, араб. букв. – паства, стадо), – в странах Бл[ижнего] и Ср[еднего] Востока в эпоху феодализма: первоначально все подданные, затем собственно податное сословие. В позднем средневековье – преимущественно плательщики хараджа, т.е. феодально-зависимые крестьяне, прикрепленные к земле феодала; юридически они считались свободными, но были лишены перехода: в Ср[едней] Азии, Иране, Ираке в 13 в., в Египте еще раньше, в Османской империи окончательно в 16 в. Запрещение права перехода для раят было отменено в Иране окончательно в 1915 г. В Азербайджане и Вост[очной] Армении в 16 – перв. пол. 19 в.» (*Петрушевский И.П.*, 1968. С. 863; *Большая советская энциклопедия*, 1975. С. 440).

У народов Дагестана, где существовала эта зависимая сословная группа крестьянства, в целом известна как райят или раят с определенными нюансами у каждого из них. Так, у аварцев зависимые крестьяне назывались раг'ият, даргинцев – райг'ият (у акушинцев), раг'ияет (у кайтагцев), у лакцев – ря'ият; у лезгин и табасаранцев раят (ед. ч.), раятар (мн. ч.); у кумыков – райят (ед. ч.), райатлар (мн. ч.) (Алиев Б.Г., 1967–1992; Умаханов М.-С.К., 1989. С. 89).

Как было сказано выше, слово «раят» означает по-арабски паства, стадо. Но в более широком смысле оно означало также приход, подданные населения, простолюдины (Петрушевский И.П., 1960. С. 305). Не все арабские слова, выражающие смысл термина «раят», были в обиходе у народов Дагестана, и какое-то значение употреблялось наиболее активно и притом по-отношению к определенному разряду или группе, категории крестьянства. «В целом этот термин, – пишет М.-С.К. Умаханов, – в историческом прошлом употреблялся для характеристики действительно низкого, зависимого социально-экономического положения человека в обществе. Когда же такому порядку, социальным отношениям был положен конец, термин «раят», превратившийся в анахронизм, стал применяться для характеристики существовавших в историческом прошлом социальных отношений, стал научно-литературным» (Умаханов М.-С.К., 1989. С. 89).

Термин «раят» в отношении крестьянства Дагестана впервые встречается в «Тарих Дагестана», им были обозначены «низшие слои общества» в целом, а не какой-то слой населения (Шихсаидов А.Р., 1975. С. 154). А.Р. Шихсаидов пишет, что «под райятами «Тарих Дагестана» следует понимать податное сословие вообще, включая общинную знать, свободных общинников – обладателей (или собственников – Б.А.) мюльков, членов феодально-зависимых общин, обезземельных или малоземельных крестьян-издольщиков» (Шихсаидов А.Р., 1975. С. 155).

По данным источников XVIII–XIX вв., райаты Дагестана – это уже особая категория крестьян, которая не имела основного средства производства – землю и находилась на земле феодала и в зависимости от последнего. Это податное безземельное крестьянство, сидевшее на земле феодала. Очевидно, термин раят распространился на эту категорию крестьянства еще до изучаемого времени, т.е. этот термин стал применяться только по отношению к определенной, одной из категорий зависимого крестьянства. Отмечая это, А.Р. Шихсаидов пишет: «Если в X–XIV вв. райят представлял собой податное сословие вообще, то в последующем понятие сузилось, означая только категорию крестьян, лишившихся владельческих прав на землю» (Шихсаидов А.Р., 1975. С. 156).

Изучая категории дагестанского крестьянства средневековья, Р.М. Магомедов, А.Р. Шихсаидов, Ш.М. Ахмедов отмечают наличие в Дагестане на рубеже раннего и позднего средневековья таких категорий крестьян, как музара и акара, находившихся в различной форме или степени зависимости от феодала. В других странах арабского мира термин «акара» означал бесправную часть крестьянства, подвергавшуюся самой жестокой эксплуатации (Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С., 1970. М. 58). Не имея средств к существованию, акары вынуждены были арендовать землю у феодалов на самых тяжелых условиях (Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М., С. 1970, С. 58). Анализируя сообщение Иакуба о сословиях ал-Лакза, Р.М. Магомедов отмечал, что имеется глухое упоминание о каких-то «плательщиках», под которыми можно видеть феодальные хозяйства типа сеньорий с отработочной рентой, в то время как ал-акара (Минорский В.Ф., 1963. С. 157) давали прибавочный продукт главным образом в виде натуральной ренты (Магоме-

дов Р.М., 1975. С. 57). Далее, останавливаясь на Дербентском эмиратстве, Р.М. Магомедов писал, что большое развитие здесь получила государственная собственность на землю и эксплуатация землепользователей-издольщиков в пользу всей феодальной верхушки Дербента (Магомедов Р.М., 1975. С. 58). Он отмечал, что в плоскостной и предгорной частях Южного Дагестана, где имелось больше удобных для обработки земель и «отчуждение земли, частичная или полная экспроприация крестьянства получили здесь большее развитие», что «в свою очередь, вело к разрушению общины или закабалению ее». Подводя итог изучения социально-экономического развития Южного и равнинного Дагестана на рубеже раннего и позднего средневековья, Р.М. Магомедов указывал: «Сравнительно более высокая степень феодальной эксплуатации, определенная степень товарности хозяйства, широкая экспроприация и разложение общины не могли не приводить к разорению части крестьянства в Южном Дагестане» (Магомедов Р.М., 1975. С. 58).

В источниках XII–XV вв. термины «акара» и «музара» уже не встречаются. Однако, как предполагает А.Р. Шихсаидов, «категория издольщиков по ряду признаков прослеживается» и в этот период. Анализируя сведения «Тарих Дагестана» о том, что с пастбищных гор и с ряда пахотных земель, названных мюльком шамхала, поступал харадж в пользу шамхала и крым-шамхала, он пишет, что «несомненно эти земли были отданы в аренду местному населению. Издольщиками могли выступать как отдельные семьи, так и сельские общества в целом» (Шихсаидов А.Р., 1975. С. 153). В процессе дальнейшего развития аграрных отношений дагестанский крестьянин-издольщик трансформировался в сторону полной потери земельной собственности и вследствие эта полностью обезземеленная категория крестьян, находившаяся на земле феодалов, как раз и известна в источниках под названием райяты (Шихсаидов А.Р., 1975. С. 151).

Это один из путей образования раятов, на который в свое время указывалось и в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге»: «Хотя зависимость ... раят произошла от пользования землями, принадлежащими бекам, но неустановившийся общественный строй прежнего времени, делавший большой простор произволу всякого сильного лица над слабым, – а таким всегда являлся бек в отношении к раяту как по собственному общественному положению, так и по материальным средствам, – изменил эти чисто арендаторские отношения до некоторой степени в личную зависимость» (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 12–13).

Но был и другой путь образования сословия раятов. Это, в частности, перевод феодалами своих рабов или домашних слуг, являвшихся практически первыми крестьянами на земле феодала. Но этот процесс начался задолго до изучаемого периода. Как пишет А.Р. Шихсаидов, в XIV–XV вв. наблюдаются характерные явления – отсутствие сведений о продаже рабов, что было связано с начавшимся процессом наделения рабов землей и переводом их в сферу сельскохозяйственного труда (Шихсаидов А.Р., 1975. С. 156). Далее он пишет, что посаженный на землю раб «превращался в крестьянина, составляя категорию наиболее бесправной части крестьянского населения» (Шихсаидов А.Р., 1975. С. 158). Анализируя хронику Махмуда Хиналугского (середина XV в.), А.Р. Шихсаидов первым из исследователей обратил внимание на наличие здесь ценных по данному вопросу сведений о переводе рабов на сельскохозяйственный труд, с переселением их на новое место: один из сыновей Илчав Ахмед-бека по имени Байджукум-бек, получив во владение крепость Ахир в Южном Дагестане, «возле крепости Ахир основал деревню для своих невольников» (подчеркнуто мною. – Авт.) (Шихсаидов А.Р., 1975.

С. 158: ссылается на АКАК, 1868. С. 1076). Так образовались впоследствии и многие другие села в Дагестане. «Записанные уже в XIX в. предания, – писала Е.Н. Кушева, говоря о XVI–XVII вв., – показывают, что была тенденция сажать рабов на землю и что таково было происхождение некоторых раятских селений» (*Кушева Е.Н.*, 1963. С. 51). Р.М. Магомедов писал, что «первоначальной базой для образования раятов явились военнопленные, впоследствии наделенные средствами производства» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 278). Он приводит пример наличия в Кумухе, а также в раятских селениях рабов. В с. Тулизма рядом с раятами находились бывшие военнопленные, ставшие лагами и посаженные на земли феодала. Они сохранили свою фамилию – Гиргиевы. Как писал Р.М. Магомедов далее, по местным определениям они (Гиргиевы) являлись выходцами из Грузии и первоначально носили имя Георгиевы (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 278). Но он не разделял существующее мнение ряда источников о том, что первоначальной базой возникновения института феодально-зависимой группы населения в Казикумухском ханстве являлись свободные общинники. Р.М. Магомедов писал, что последние только пополняли ряды раятов (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 278), которые уже были, но образовавшиеся из военнопленных, посаженных на земле феодалов.

Впрочем, о рабстве как источнике и базе восполнения крепостных писали еще дореволюционные авторы. «Целые деревни, иногда весьма многолюдные, заселенные одними крепостными, – писал, например, А. Руновский... жители четырех деревень: Кахх, Кинниб, Къуаниб и Тхлянлюб, расположенных недалеко от Хунзаха и с незапамятных времен составлявших собственность аварских ханов, являлись бывшими рабами, посаженными на земли его» (*Руновский А.*, 1862. С. 391). Кроме перечисленных сел в исследуемый период на территории Дагестана имелись и другие раятские селения – Амишта, Тукита, Чандатль, Учла, Мосшул, Хин – в Аварском ханстве, указанное выше Тулизма, а также Хулизма, Тухчар, Бурши, Хосрех, Сумбатль, Цыйша, Хури, Хурки, Шара – в Казикумухском ханстве; терекемейские селения в Кайтагском уцмийстве и в Табасаране (Вечрик и др.), которые образовались из бывших рабов (Османов Г.Г., 1960. С. 158; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11-б; История Дагестана. 1967. С. 240).

Порой феодалы насильно превращали в раятов бывших свободных узденей. Так, например, жители даргинских сс. Чирах, Ашты, Кунки, Худуц и др. были силой оружия превращены в раятов казикумухского хана (*Османов Г.Г.*, 1960. С. 157).

Был и третий путь образования лично и феодально-зависимых категорий крестьянства – раятов. Ими становились переселенцы, водворенные на земли феодалов. Такими раятами являлись, например, жители терекемейских селений – население некоренного происхождения. Когда и при каких обстоятельствах, на каких условиях они переселялись или были переселены в Терекеме и т.д. – это самостоятельный вопрос, требующий специального изучения (См.: *Гаджиева С.Ш.*, 1990). Поэтому, здесь мы ограничимся только констатацией образования этой категории раятов в результате переселения.

И в Гамринском магале происхождение раятов было связано с переселением выходцев из Кубинского ханства (сс. Даразарат, Абаль и Чархи) и образованием с. Каякент. Земли, на которые они были переселены, принадлежали гамринским беккам, за пользование которыми они обязали платить им определенные подати продуктами земледелия (ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 18).

Говоря об источниках формирования раятского сословия, необходимо также более подробно остановиться на мнениях ряда дагестанских историков, внесших в

изучение социально-экономической истории народов Дагестана весьма большой вклад. Р.М. Магомедов, в частности, писал, что «крестьяне, попавшие в зависимость от хана, бека в результате потери права собственности на землю, назывались раятами, «что «раяты – это крепостные крестьяне», что ряды раятов пополнялись за счет рабов, посаженных на землю» и эксплуатировавшихся «в феодальном хозяйстве с применением барщинного труда», если это было раятное селение. Раяты же, которые проживали в узденских селениях, обязаны были пасти скот феодалов или же отбывать продуктовую ренту.

Изучив социально-экономические отношения в Дагестане, Р.М. Магомедов осветил вопрос о распространенности сословия раятов у лакцев, кайтагов и других народов Дагестана (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 106, 228, 229, 255, 263, 265, 270, 278).

Весьма основательно, подробно и убедительно писал о сословиях раятов и Г.Г. Османов в статье, посвященной социально-экономическому строю Дагестана в конце XVIII – нач. XIX в. Он дал полную характеристику раятского сословия, показал источники его формирования, отношения к сословиям феодального класса, а также те изменения, которые произошли в общественно-правовом положении раятов после присоединения Дагестана к России (*Османов Г.Г.*, 1960. С. 157–160). Характеризуя раятов как феодально-зависимых крестьян, он писал, что раятом называется каждый человек, платящий или отбывающий какие-либо повинности другому лицу», подчеркивая при этом, что «зависимость ... раят произошла от пользования землями, принадлежащим бекам, «сумевшими с развитием феодализма превратить» эти арендаторские отношения до некоторой степени в личную зависимость» (*Османов Г.Г.*, 1960. С. 157). Г.Г. Османов указал на один из путей формирования раятского сословия за счет закабаления разными способами свободных общинников, а также прикрепления рабов-лагов к земле. Так образовались раятские селения в Аварском ханстве, Казикумухском владении, Табасаранском майсумстве. Остановившись на взаимоотношениях раятов с феодалами, и конкретно на их закабалении, Г.Г. Османов отмечал, что почти все местные источники указывают, что раяты были прикреплены к земле, в то же время он отмечал, что «формально юридического акта прикрепления раятов к земле мы не имеем, возможно его не было» (*Османов Г.Г.*, 1960. С. 157, 158). Вместе с тем он подчеркивал, что «беки», благополучие которых зависело от раятского труда, не могли не стремиться сделать невозможным или по крайней мере всячески затруднить свободный переход раята к другому владельцу, хотя «окончательное прикрепление раят к земле ... произошло с присоединением Дагестана к России» (*Османов Г.Г.*, 1960. С. 158–159).

Р.Г. Маршаев писал еще об одном пути формирования раятского сословия в результате закабаления, когда бедный уздень попадал под покровительство бека, как говорили в Кайтаге, делался его ольса-калса. Покровитель обязан был защищать его, по смерти которого становился наследником его земли и господином семьи (Кавказ, 1867. № 13)

Суммируя все сказанное, можно прийти к выводу, что пути формирования сословия раятов в Дагестане, возникновения раятской зависимости были разные. В зависимости от этого были и разные раяты. Одни из них (обедневшие издольщики, посаженные на землю переселенцы из других мест) были только прикреплены к земле, другие же – бывшие рабы (лаги) были прикреплены как к земле, так и к личности феодала-землевладельца. Но со временем это различие, вызванное

многообразием путей формирования раятского сословия как феодально и лично зависимого крестьянства стиралось.

Кратко рассмотрим положение раятов, степень и формы зависимости от феодалов-землевладельцев в исследуемый период. Весьма значительными источниками по этим вопросам являются архивные материалы, адаты народов Дагестана, а также историко-этнографические материалы. На основе данных источников и литературы в «Истории Дагестана» делается вывод, что еще в XVI–XVII вв. раяты Дагестана были прикреплены к земле и фактически были обложены крепостными повинностями по отношению к феодалу-землевладельцу (История Дагестана. 1967. С. 240). Так, сс. Улусского магала (Арабляр, Мола-кент, Билиджи, Нюгды, Салик, Куллар. Азад-оглы, Мола-камил и Джалган), говорится в архивном материале, платили раньше повинности (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 194). «Все население считалось крепостным и находилось под гнетом местных феодалов и иранских захватчиков» (Магомедов Р.М., 1957. С. 367).

В таком же положении находились раяты практически и других дагестанских регионов. Вместе с тем, как отмечают исследователи, зависимость раятов не во всех феодальных владениях Дагестана была одинаковая. Так, в Казикумухском ханстве и в Аварии зависимость раятов от феодалов не выражалась в столь сильной степени, хотя и существовали и такие формы землепользования, как например, в Кайтаге и Табасаране. Так, в самом Казикумухе имелись земли под названием «ханалку», которые принадлежали исключительно казикумухским ханам и передавались в наследственное пользование раятам (Маршаев Р.Г., 1963. Л. 27–28. Ссылка на Каяева А. Материалы по истории лаков. Л. 25). Раяты отбывали бекам самые разнообразные повинности, на них лежали многочисленные и разнообразные обязанности по обслуживанию беков. Права беков на взыскание с подвластных им раятов различных податей и повинностей произошли от поземельной (экономической) зависимости от феодалов, были связаны с тем, что раяты пользовались землями феодалов и находились в личной зависимости (История Дагестана. 1967. С. 240).

Из всех раятов дагестанских феодальных владений в наиболее угнетенном состоянии находились раяты Табасарана, где было наибольшее число разнообразных повинностей, которые исполнялись раятами в пользу феодалов. Остановившись на податях раятов Табасарана своим феодалам, Х.-М. Хашаев писал: «Раятские селения Табасарана платили бекам многочисленные подати» (Хашаев Х.-М., 1961. С. 196). Он привел в своей работе таблицу податей, отбывавшихся раятами беку, согласно которой Рукел и Кендат платили 250 капанов (капан равен приблизительно 3 пудам) пшеницы; Гимейды – 220 капанов пшеницы, сено, орехи 40 капанов, лук 10 капанов, с еврейских хозяйств 25 батманов (1 батман равен 6 фунтам) табака, сорочинское пшено – 32 сабы (саба равна от 14 до 56 кг зерна у разных народов Дагестана), с каждого двора по три курицы и по 30 яиц, со двора по 3 гарыка кожи, чалтык; Зидиман – 90 капанов пшеницы, 16 голов баранов, с каждого двора по три курицы и по 30 яиц, 25 капанов орехов; Бильгады – 40 капанов пшеницы, по три курицы и 30 яиц, 19 арб сена, сорочинское пшено, 9 капанов орехов (Хашаев Х.-М., 1961. С. 197). По данным второй половины XIX в., в Северном Табасаране жители Фиргель отдавали бекам две сабы пшеницы и три сабы ячменя; жители Рушул, кроме уплаты податей, должны были доставлять три арбы дров и семь дней в году работать на бека; жители Курках и Вертатил платили от одной до двух сабов пшеницы, должны были доставлять три арбы дров и работать

в летний сезон пять дней на бека. Подобные подати и повинности платили жители многих селений как Северного, так и Южного Табасарана (*Хашаев Х.-М.*, 1961. С. 196. Ссылается на: «Дагестанская область...». С. 177, 181, 185).

В «Инструкции повинностей раятских сел Южного Табасарана», а также в отзывах табасаранских беков о раятских повинностях, хранящихся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан, имеется перечень податей и повинностей раятских сел, которые они обязаны были платить своим бекам, перечень их занимает несколько листов. Для краткости мы воспользуемся анализом и обобщениями, которые даны М.-С.К. Умахановым в статье, посвященной раятам Дагестана. В частности, он пишет, что раяты Табасарана обязаны были платить бекам ежегодно по одной сабе ячменя, по одной сабе пшеницы, выходить по одному человеку с хозяйства на один день для жатвы хлебов бека; то же самое для кошения сена и сбора, перевозить по одной арбе бекского сена, перевозить хлеб бека с гумна на дом с двух дымов по одной арбе, а также по одной арбе дров и хворосту с каждого дыма, имеющего скот; перевозить хлеб бека на мельницу, работать на очистке для молотбы и обратно – с двух дымов по одной арбе, а если скота нет – для присмотра на мельнице выделялся один человек; для очистки бекской канавы по одному человеку с дыма на один день; назначать на гумно для работы по одному человеку с дыма, не имеющего скота, на два дня; отдавать в дом бека сирот, которые должны были у бека оставаться до 14 лет, но бек не имел права продавать сироту женского пола в замужество», отдавать беку с каждой сотни овец по одному барану; принимать кунаков бека; помогать ему при ремонте дома; огораживать плетнем пять садов бека; расчищать канаву вокруг них, ставить подпорки в саду, для очистки бекской пшеницы, отправляемой на мельницу, высылать на подмогу жителей еврейского общества села Карчан; при выдаче замуж дочери и вдов платить беку в первом случае 10, а во втором 5 руб. (*Умаханов М.-С.К.*, 1989. С. 99. Ссылается на Феодальные отношения... С. 108–109; См. также С. 110–117; ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 3. Л. 92–93; 94–95; Ф. 126. Оп. 2. Д. 72.б. Л. 15).

Исследуя социально-экономическое развитие Табасарана, М.Р. Гасанов еще в 70-е гг. XX в. дал характеристику табасаранских раятов, показав их социально-правовое положение и взаимоотношения с сословиями феодалов, исходящие из их поземельной зависимости от них. Он, в частности, о раятах Табасарана писал, что они составляли «значительную группу зависимого населения», которые «фактически были прикреплены к земле и не могли переходить из одного селения в другое без разрешения беков, кадия, майсума» (*Гасанов М.Р.*, 1978. С. 33; 1994. С. 183). «Раяты в Табасаране были лишены права перехода из одного селения в другое без согласия бека и обязаны при подобном перемещении оставить в пользу последнего все свое недвижимое имущество» (*Гасанов М.Р.*, 1994. С. 183; ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 2. Д. 21. Л. 2; Ф. 126. Оп. 2. Д. 72. С. 183). «Если же кто-либо уходил тайно, то брал с собой только то что успевал...» (ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 46. Л. 3). Исходя из приведенного, М.Р. Гасанов делает вывод: «Эти факты позволяют заключить, хотя формально-юридического акта прикрепления раятов к земле не было, однако беки старались прикрепить раятов к земле и обставить выселение их такими тяжелыми условиями, что свободное выселение становилось невозможным и одно бегство избавляло раятов от притеснения беков» (*Гасанов М.Р.*, 1994. С. 182).

Вслед за другими исследователями, писавшими до него, М.Р. Гасанов отмечает тяжесть положения табасаранских раятов, что они «платили табасаранским правителям многочисленные подати и повинности и, ссылаясь на архивный мате-

риал, пишет: «Зависимость раята от бека ... кроме поземельной, приняла характер и личной, с некоторыми оттенками крепостной зависимости» (Гасанов М.Р., 1994. С. 183. Ссылается на ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 46. Л. 4). Пишет он и о том, что «свободные люди, как отмечено в архивном материале, – по неимению средств к жизни или по каким бы то ни было причинам прибегали к бекам и вступали в раятскую зависимость наравне с прочими раятами» (Гасанов М.Р., 1994. С. 183). Отмечает он также увеличение числа раятов «за счет рабов, которых землевладельцы (беки, майсумы) сажали на землю и превращали в крепостных крестьян» (Гасанов М.Р., 1994. С. 183).

Положение раятов горных ханств Дагестана – Казикумухского и Аварского не было столь тяжелым, как в Кайтаго-Табасаране. Они меньше несли подати и повинности и работали на феодала, если только у него было свое личное хозяйство. Основная земельная собственность феодалов этого региона – это пастбища и пастбищные горы. Раятские села за пользование этими пастбищами несли феодалам различные подати и повинности. «Все горные пастбища, – писал С.И. Габиев, – за исключением некоторых, которые считались собственностью отдельных обществ, являлись собственностью хана, жители ханских (раятских. – Авт.) селений Уриша и Мукарти и другие ежегодно давали хану по одному быку, масло и сыр в неопределенных размерах; жители сел. Мухар – 15 вьюков дров и по одному курдюку, жители сел. Камахи по 15 вьюков дров и по одной туше барана, жители сел. Вехли, кроме дров по ½ курдюка и по 30 дачу ячменя, жители селений Хусришнского магала – по два даталя масла» (Габиев С.И., 1906. С. 86).

Казикумухские ханы подчиняли и превращали в раятов жителей ряда агульских, лезгинских и даргинских сел, где проживали представители правящего казикумухского ханского дома, и нещадно эксплуатировали не только зависимое крестьянство, но и лично свободное узденство. Так, согласно сведениям 60-х гг. XIX в., в агульском селении Буркихан от 5 дымов беков были зависимы 21 дым узденей, 43 дыма раятов и 5 дымов неимущих переселенцев. За пользование лесом беков уздени и раяты, чередуясь между собой, платили бекам с каждых 12 дымов в год 12 баранов. Раяты Буркихана обязаны были давать бекам: а) в год с каждого дыма по девяти саб зерна; б) в год с каждого дыма по одной овце; в) в год со всего населения (43 дыма) раятов шестнадцать батманов масла и г) кто имеет десять и более ульев – один улей (ЦГА РД. Ф. 40. Оп. 1. Д. 3. Л. 25, 26).

Согласно архивным данным, в 50-х гг. XIX в. в Казикумухском округе (бывшее Казикумухское ханство без территории Южного Дагестана) ханам и их потомкам отбывали подати продукцией сельского хозяйства и работой 16 селений (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 139 а. Л. 7).

И в Аварском ханстве основная земельная собственность представителей феодального класса составляли различные пастбищные места и главным образом пастбищные горы, которые отдавались в аренду не только различным сельским обществам свободных узденей, но и раятским селам. Среди пастбищных гор перечисляются Хурдутль-Бак, Бакда-меер, Сайсута, Чолкай, Ротман – 100 дес. (ЦГА РД, Ф. 73. Оп. 1. Д. 8. Л. 1), Парси-меер, Кудияб-Хур, Хунда-меер, Оргичу-меер и др. (РГВИА. Ф. 400. Д. 45. Л. 518–519). Были, конечно, в их собственности различного размера покосные и пахотные участки, не игравшие, однако, особой роли в их экономической жизни, как пастбищные горы.

На положении раятов находились и евреи, проживающие в Дербентском ханстве, Кайтагском уцмийстве, Табасаране, Тарковском шамхальстве и т.д. Они,

как и раяты, не имели своей земли и, естественно, не занимались сельскохозяйственными работами. Проживали евреи на земле феодалов и пользовались только собственностью. Однако со временем некоторые евреи приобрели небольшие мюльки, расчищенные ими же самими из-под леса и купленные у местных жителей, в том числе у беков. Повинности отбываемые евреями бекам, отличались от повинностей раятов. Они были связаны с их основными занятиями – занимались евреи разными промыслами и торговлей. Кроме того, евреи обязаны были исполнять для беков и некоторые работы (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 20, 21).

Резюмируя кратко все сказанное выше о раятах, можно сказать, что, хотя они имелись во всех регионах Дагестана (Казикумухское, Аварское, Дербентское, Кюринское ханства, Кайтагское уцмийство и Табасаран), т.е. в горных владениях Среднего и Южного Дагестана, но занимали неодинаковое положение в системе производительных сил, что являлось следствием их различного происхождения и особенностей природно-географических условий, наложивших отпечаток на характер феодальной земельной собственности. Мы солидарны с М.-С.К. Умахановым, который пишет: «Мы не можем говорить об одинаковом имущественном и правовом положении раятов в Кайтаге, Табасаране, в Аварском и Казикумухском ханствах. Даже внутри феодальных владений раяты разных сел отбывали разные повинности. Иначе говоря, социальный смысл термина «раят» в дагестанских феодальных владениях не был одинаковым, как и их социально-экономическое положение» (Умаханов М.-С.К., 1989. С. 100).

В целом же, говоря о Дагестане вообще, можно утверждать, что круг и объем повинностей раятов своим феодалам был довольно обширным и объемным и, как пишет М.-С.К. Умаханов, приближал их по степени эксплуатации к крепостным крестьянам России. Вместе с тем, как отмечает он же, «ставить все же знак равенства между раятами и крепостными довольно рискованно, так как полного закрепощения раяты не признавали и не знали даже в XIX в. и среди них различались экономические состоятельные и бедные. Владельцы тяглового скота и плуга получали большие надельные земли, могли обогатиться» (Умаханов М.-С.К., 1989. С. 100).

М.-С.К. Умаханов, изучив социальную сущность термина «раят», приходит к выводу, «что в принципе раяты – это податное сословие, юридически не закрепощенное, но в силу поземельной и административной зависимости от беков попавшее к ним и в значительную личную зависимость, хотя беки и не имели права продать, купить или убить раята. Раяты занимали промежуточное положение между юридически лично свободными узденями и чагарами, которые действительно считались крепостными крестьянами своих феодалов и могли быть проданы и т.д. С узденями райят равняла их личная свобода, а с чагарами – прикрепленность к земле» (Умаханов М.-С.К., 1989. С. 100).

Но при этом необходимо учесть, что само лично свободное узденство было неоднородно. Среди них были различные группы. Если одни из них были лично и экономически свободны от феодала, то другие (даже в союзах сельских общин) была и такая категория лично свободного узденства, которая находилась в поземельной (экономической) и политической зависимости от феодала-землевладельца. Поэтому, когда мы ставим равенство между свободными узденями и чагарами, то мы должны оговориться, что под первыми имеются в виду лично свободные, но феодально-зависимые (экономически и политически) уздени. Иначе мы растворим в «личной свободе» имевшее место разделение этой категории дагестанского крестьянства на различные (фактически) категории, отлича-

шиеся друг от друга по своему поземельно-экономическому и фактическому правовому положению в обществе.

Вторую категорию феодально-зависимого сословия крестьянства Дагестана составляли чагары, которые находились в полной зависимости от феодалов. Существуют различные мнения по вопросу о происхождении названия «чагар». Одни исследователи считают, что этот термин произошел от кумыкского слова чикмак (чыкъмакъ) – «выходить», «выходец», другие стараются вывести его из племенного названия, утверждая, что это этнический термин (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 179). По мнению Р.М. Магомедова, оба эти объяснения термина «чагар» «не противоречат друг другу, а находятся в полном согласии» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 179). По мнению С.Ш. Гаджиевой, слово «чагар» не местного происхождения, а монгольского. Это термин был занесен в Дагестан в период завоевательных походов монголов. Известно, что в эпоху Чингисхана «чахами» называли челядь, находящуюся при дворах (ставках) монгольских вельмож и князей. Термин «чагар» в том же значении встречается у кумыков и некоторых других тюркоязычных народов, в частности у якутов (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 113). С.Ш. Гаджиева не была согласна с теми исследователями, которые старались установить генеалогическую связь термина «чагар» с глаголом «чыкъмакъ». «Если бы термин «чагар» был связан с глаголом «чыкъмакъ», – писала она, – то первой гласной в слове «чагар» (чагъар) был бы не «а», а «ы» (чыгыр), ибо в кумыкском языке нет закона регрессивной ассимиляции гласных» (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 113). Но ряд исследователей, в частности Е.Н. Кушева, на основе имеющихся в русских источниках сведений о различных категориях крестьян в шамхальстве под названием «пашенные люди», подразумевает крепостных крестьян Дагестана, т.е. в первую очередь чагаров (*Кушева Е.Н.*, 1963. С. 50, 51).

При описании шамхальского двора в Тарках посланник грузинского царя Кирилл сообщал, что около двора шамхала было «дворов черных с 300» (*Белокуров С.А.*, 1890. С. 400–401, 405). Это «пашенные люди», т.е. крестьяне, сидящие на земле – пахоте и выполнявшие работы своего феодала, как пишет Е.Н. Кушева, «работали в хозяйстве шамхала, на его земле» (*Кушева Е.Н.*, 1963. С. 50).

Причем, интересно, что в 1604 г., когда опасались похода на Тарки русских воевод, сам шамхал жил в горах в летней резиденции Кумух, и тогда пашенных людей в Тарках (зимней резиденции) оставалось всего дворов 20 или 30. Кирилл сообщал, что когда «хлеб поспеет (на плоскости. – Авт.), от шамхала приезжают воинские люди и «хоронят хлеб» «по ямам и по горам» (*Белокуров С.А.*, 1890. С. 400–401, 405). Значит, урожай собирали «пашенные люди», а «хоронили хлеб» нукеры («воинские люди»).

В связи с этим сообщением Е.Н. Кушева говорила о происхождении этой категории крестьянства. «Записанные уже в XIX в. предания, – писала она, – показывают, что была тенденция сажать рабов на землю и что таково было происхождение некоторых раятских селений» (*Кушева Е.Н.*, 1963. С. 51). И действительно, как отмечалось выше, ряд сел Нагорного Дагестана образовался в результате перевода рабов на господскую землю. Это были рабские селения, население которых было и лично, и экономически (поземельно) зависимо от феодальных правителей Аварии и Казикумуха. На Кумыкской плоскости эта категория феодально и лично зависимого крестьянства называлась чагарами, и происхождение их было такое же, как раятов Нагорного Дагестана. В сведениях о личных, семейных, имущественных и поземельных правах и повинностях крестьян, собранных во

второй половине XIX в., говорится, что чагары – это бывшие дворовые люди из рабов и рабынь, отпущенные со двора для устройства собственного хозяйства на землях бекских или владельческих (ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 72. Л. 1; Д. 116. Л. 2). Писали об этом многие дореволюционные авторы: М.Б. Лобанов-Ростовский, Д.-М. Шихалиев, Н.Ф. Дубровин, Хамзаев и др. Так, М.Б. Лобанов-Ростовский отмечал: «Чагары – те же холопы, избавленные от домашней службы и которым предоставлено, на известных условиях право пользоваться некоторыми участками господской земли (Лобанов-Ростовский М.Б., 2002. С. 30–31). Вслед за ним Д.-М. Шихалиев также отмечал, что чагары «происходят от крепостных людей князей и суть те же куллы, но на различных условиях и от княжеской домашней службы избавленные и причисленные к известной полосе земли с канавою» (Шихалиев Д.-М., 1993. С. 62). О причинах, почему князья отпускали рабов и сажали их на землю, также писали М.Б. Лобанов-Ростовский и Д.-М. Шихалиев. Они указывали, что в прежнее время князья мало занимались хлебопашеством. «Табуны, стада, сдача в наем гор и кутанов, пошлины и прочие положенные доходы достаточно обеспечивали их в потребностях домашней жизни, без помощи хлебопашества, – писал Д.-М. Шихалиев» (Шихалиев Д.-М., 1993. С. 62–63). «Хлеба сеяли столько, сколько нужно было им для прокормления своих семейств, – отмечал М.Б. Лобанов-Ростовский. Но полевые работы, как бы ни были они им тягостны, требовали их непременно присмотра; каждый год во время посева, сенокоса, сбора хлеба, князь выезжал в поле со своими холопами; последних в прежнее время у князей было гораздо более, чем теперь, они ежегодно увеличивались взятием в плен или обманом захваченными в горах; их приходилось кормить и содержать. Очень естественно, что тогдашние князья, не извлекавшие особых доходов из хлебопашества, находили тягостным содержанием многочисленной дворни и по этому, оставши при себе необходимое для домашнего хозяйства, остальных избавляли от личной службы на известных условиях» (Лобанов-Ростовский М.Б., 2002. С. 32–33). Останавливаясь на этих условиях, он писал: «Условия эти зависели от воли каждого князя, были различны по местности: чагары, андреевские, аксаковские и костековские до сих пор (40-е гг. XIX в. – Авт.) имеют неодинаковые обязанности. Главные, впрочем, состоят в том, чтобы несколько дней в году сеять, косить сено, убирать хлеб и свозить его к дому владельца. – Чагары могут быть проданы только не иначе как в тот самый округ, где они поселены; каждый из них имеет право выкупаться на волю, заплативши князю по 100 руб. серебром за душу» (Лобанов-Ростовский М.Б., 2002. С. 33).

Останавливаясь на этих же вопросах, Д.-М. Шихалиев писал, что на чагарах лежит обязанность доставлять в дом княжеский накопленное для него сено и привозить на зиму несколько возов дров (Шихалиев Д.-М., 1993. С. 63). В то же время он более конкретно писал о различном положении чагаров всех трех засулакских владений кумыков. «Проживающие из них в Андрееве, Аксае и Костеке пользуются различными друг от друга преимуществами, – отмечал он, – одного можно продать со всем семейством, но только в тот округ, где он живет, другой может откупиться за самую безделицу, иные избавлены от участия в мирщине, а других женщины считаются свободными» (Шихалиев Д.-М., 1993. С. 63)

Посаженные на землю рабы-чагары первоначально ничем не отличались от обыкновенных рабов. Положение их С.В. Юшков сравнивал с положением страдающих людей, холопов на пашне феодальной Руси или сервов, посаженных на землю (во Франции и Италии), которые стали переходить в разряд крестьянства. Это был

своего рода серваж на дагестанской почве (Юшков С.В., 1938. С. 81). В отличие от азат-узденей, которые также происходили от рабов, но освобождались по «отпускной бумаге» и на них владельцы теряли свои крепостные права, эта часть рабов, посаженных на землю (чагары), не получала «отпускные бумаги» и оставалась в зависимости от владельца (Х-ъ/[Хамзаев], 1865. № 68). Этим чагаров А.С.-М. Акбиев считает второсортными чагарами, в составе которых он перечисляет и чагаров, образовавшихся от холопов, которые поступали в приданое кабардинским князьям при выдаче их в замужество за кумыкских князей (Акбиев А., 2000. С. 103; ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99 а. Л. 1; Гаджиева С.Ш., 1961. С. 114; Авалиали С.Л., 1914. С. 18). Для подтверждения сказанного А.С.-М. Акбиев приводит письмо аксаевского владетеля Магомед Уцмия Солтанмахмудова кизлярскому коменданту фон Браундорфу от 28 мая 1755 г., где сказано: «Имеются у нас чагары в хозяйстве, а их бывают грузины и армяне и черкесы, а без них нам служить никоим образом не можно» (Акбиев А., 2000. С. 103. Ссылается на: ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 337. Л. 23).

Это был один из путей образования чагаров, которому предшествовал другой путь – заселение на владельческих землях переселенцев из разных мест Дагестана. «Земли пустой, – писал М.Б. Лобанов-Ростовский, – было много около вновь заложённой деревни (Эндирей. – Авт.): князья, раздавши участки своим кабардинским и кумыкским узденям, получили естественное право на владение остальной. Селившиеся впоследствии обращались к нему с просьбой на получение участка и обязывались, в вознаграждение отведённой им земли и оказываемого им покровительства, в известной степени подчиненностью и службою князю, то есть по феодальному обычаю, перенятому у кабардинцев, они поступали к нему в уздени. Таким образом, в скором времени большая часть жителей, на земле ими занимаемой, очутились в зависимости от князей. Вольными данниками остались только те, которые, еще до прибытия Султанмута выселились из гор» (Лобанов-Ростовский М.Б., 2002. С. 24).

Остановливаясь на этом пути образования чагаров, Р.М. Магомедов писал: «То, что в горах горец испытывал страшное безземелье и в течение всей истории на этой почве с гор на плоскость происходило выселение – это бесспорный факт. Бесспорно и то, что на этой почве горцы вынуждены были уходить с родных мест и селиться в отдаленных местах. Все они шли на кумыкскую землю и по нужде селились на владельческих землях на кабальных условиях, приводивших их в конце концов к феодально-зависимому положению» (Магомедов Р.М., 1957. С. 179, 180).

На путь образования крестьянского сословия чагаров от горской безземельной бедности («выходцы из разных местностей», поселения их «на бекских землях») указывается в материалах по поземельному устройству населения Дагестана (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 18). По показаниям князей, данных ими в 30-х гг. XIX в., сословие чагаров образовалось «в давнее время», и это название было присвоено крестьянам, переселенным в их деревнях и на их землях» (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 1). По их же показаниям чагары считались их крестьянами, «обязанными вносить за пользование землею установленным обычаем повинности и ясака» (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 1). Сами чагары также считали, что в утверждениях князей, кроме о времени заселения их предков на землях феодалов и в правовом положении их в прошлом, нет противоречий. Так, чагары Андреевского участка, показали, что предки их прибыли на Кумыкскую плоскость из разных мест Кабарды, Тавлинии (с Горного Дагестана. – Авт.), Ногайских степей –

некоторые добровольно, другие же выбежали по каким-либо недовольствиям (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 2). По их утверждению, чагары, жившие на Кумыкской плоскости в их время, «есть уже 6-е или 7-е поколение их» (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 2). Чьи бы показания из перечисленных ни были правдоподобными, из них видно, что речь идет об изучаемом периоде и в них нет противоречий в отношении предков чагаров и образования на Кумыкской плоскости этого крестьянского сословия.

Но интересна другая сторона вопроса. Согласно другим сведениям чагаров, они всегда были народом вольным, пользовавшимся наравне с другими жителями местными обычаями и правами, холопами же они никогда не были (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 3). Эта категория чагаров подчеркивала, что их нельзя путать с другой категорией чагаров, образовавшихся от холопов, которые «были переведены из двора князя в деревню» (речь идет о чагарах Аксяя, о чем говорится в отчетах Кумыкского отдела сословно-поземельной комиссии. – Авт.). Предки же их «были люди свободные», которые «переселились по своей воле, а не силою и не приобретены покупкою, причем почему и получили название чагар, означающее на кумыкском языке вольные. В то же время князья не имели никакого права насильного с ними управления. После же князья стали употреблять их на все работы, насильно продавать в посторонние руки как крестьян» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 17).

Анализируя данный документ, С.Ш. Гаджиева и обратила внимание на иное толкование термина «чагар» в отличие от существовавшего толкования его как вывод рабов со двора владельца на землю или как социальный термин, занесенный извне (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 113). Эти горцы, пришедшие на Кумыкскую равнину, назывались «гельгенчилер» (пришельцы), и как писала С.Ш. Гаджиева, они меньше подвергались эксплуатации со стороны феодалов, чем те чагары, которые образовались от посаженных на их земли рабов.

Но нам важно из приведенного то, что из него можно придти к выводу, что чагары образовались двумя путями – за счет переведенных на землю феодала рабов и за счет переселенцев из разных мест на Кумыкскую плоскость.

По мнению С.В. Юшкова, были и другие пути и источники образования или происхождения чагаров, в частности, закабаление свободного крестьянина (*Юшков С.В.*, 1938. С. 81). Однако никаких сведений, подтверждающих это мнение, нет. Аналогичного мнения придерживался и дагестанский историк А.И. Тамай, который, исследуя социально-экономическое развитие кумыков XV–XVII вв., писал: «В положение крепостных попадали экономически слабевшие «свободные» уздени, которые до того имели свои мизерные наследственные земельные участки и сохраняли известную независимость от класса феодалов» (*Тамай А.И.*, 1951. Л. 14). Аналогию мы имеем у народов Северного Кавказа. Так, у адыгов также наблюдается образование крепостного крестьянства от бывших лично свободных крестьян. Эта лагунатипы (у кабардинцев) или пшитли (у остальных адыгов) – бывший тлхукотл, который «пристраивался» ко двору князя или дворянина, становясь таким образом дворовым человеком (*Гарданов В.К.*, 1967. С. 219; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. 1967. Т. 1. С. 205).

Различные формы образования чагаров должны были привести и к различному их положению. И на самом деле, если проследить, кто такие посаженные на землю рабы и переселенцы с гор, то становится ясным, что первые и после перевода их на землю феодала оставались в личной зависимости от феодала, вторые, будучи по своему происхождению свободными, добровольно, но, конечно, с со-

гласия землевладельца, переселились на землю последнего и поэтому, естественно, первоначально они не находились в таком положении, как чагары, образовавшиеся из бывших рабов. Естественно, не имея собственных средств производства и основное из них – землю, они попадали в поземельную зависимость, что было вполне достаточно для дальнейшего закабаления их собственником земли. Так именно происходило и в последующем, со временем, когда они силой экономической и политической власти землевладельца превращались в таких же зависимых как чагары-рабы. Это мы можем проследить и в показаниях аксаевский чагаров, по словам которых (позволим себе повториться) первоначально «князья не имели никакого права насильно с ними управления, но просили их помогать в некоторых домашних работах добровольно. После же князья стали употреблять их на все работы насильно и продавать в посторонние руки как крестьян» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 17; *Тамай А.И.*, 1951. Л. 14).

Что положение чагаров-переселенцев, которых называли «гельгенчилер» (пришельцы), было неодинаковое с положением чагаров, образовавшихся от посаженных на землю рабов, указывают и дагестанские исследователи. Вместе с тем высказывались различные мнения по этому поводу. Называя пришельцев второстепенными чагарами, переселившимися на плоскость «в более позднее время», Р.М. Магомедов писал, что положение их было «тяжелее нежели первостепенных», которые, по его словам, «крепко сидели на земле, имели самостоятельное хозяйство, а некоторые даже рабов» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 180). Нам представляется, что более справедливо мнение С.Ш. Гаджиевой, которая писала, что положение «гельгенчилеров» (пришельцев) было легче, чем чагаров – бывших рабов. «Как свидетельствуют архивные документы, – писала она, – рента, получаемая с чагаров – бывших рабов, была более высокой, люди обязаны были выходить на работу «по востребованию» владельца, а требовать он мог их «во всякое время и на неопределенное число дней» (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 113).

Эти расхождения во мнениях о положении различных групп чагаров, как нам кажется, связаны с заключениями о путях образования этого сословия крестьянства. По мнению Р.М. Магомедова, образование чагаров произошло тремя потоками или путями. Это, во-первых, за счет давних переселенцев безземельных и кровников; во-вторых, за счет посаженных на землю рабов и, в-третьих, за счет поздних переселенцев. Как представляется нам, первую группу чагаров имеет в виду Р.М. Магомедов, говоря о привилегиях по сравнению с пришельцами в более позднее время.

Другие дагестанские исследователи отмечают только два пути образования чагаров – переселение рабов на землю и наделение землей переселенцев из других мест, которые заселились на Кумыкскую плоскость с обязательством подчиненности феодалу-владельцу земли, как об этом говорится в источниках, и писали дореволюционные авторы. Об этом говорится и в последних работах дагестанских ученых. Так, А.С.-М. Акбиев, исследуя социально-экономическое развитие кумыков XVII–XVIII вв., также затронул вопрос о формах образования чагаров: «Сословие чагаров образовалось из различных выходцев на Кумыкскую плоскость, искавших покровительства сильных и влиятельных беков, которые поселяли их на своих свободных землях, в результате чего переселенцы попадали в определенную от них зависимость» (*Акбиев А.*, 2000. С. 102). И далее, останавливаясь на причинах переселения горцев на Кумыкскую плоскость, он пишет: «Испокон веков горцы испытывали безземелье и поэтому нередко переселялись на плоскость.

Одной из причин переселения была и кровная месть, спасаясь от которой горцы прибегали к покровительству кумыкских биев. Переселенцы образовывали категорию первостепенных чагаров» (Акбиев А., 2000. С. 102).

Как видим, А.С.-М. Акбиев в отличие от Р.М. Магомедова первостепенными чагарами называет переселенцев из Горного Дагестана и других мест. Второстепенными же он называет чагаров, происходивших: 1) из тех рабов, которых не держали у себя в домах, а выселяли в подвластные селения; 2) из тех холопов, которые поступали в приданое князьям при выходе замуж за кумыкских биев» (Акбиев А., 2000. С. 103. Ссылается на *Авалиани С.Л.*, 1919. С. 18).

Мы считаем, о каких бы переселенцах и о каком бы времени ни шла речь, безусловно, положение их было первоначально лучше, чем положение недавнего раба, на которого и после перевода его на землю хозяин-земледелец по-прежнему сохранял какие-то права. Именно эту часть чагаров следует иметь в виду, когда Д.-М. Шихалиев писал: «Составил народонаселение Кумыкского владения самый многолюдный класс, дружные, храбрые и послушные своим старшинам чагары в прежние времена играли важную роль в делах народных, покровительствовали всем угнетенным от аристократии и даже самим аристократам в междоусобных их распрях и взаимных гонениях давали у себя убежище. Опасно было убить чагара, ибо убийцу весь класс их преследовал» (Шихалиев Д.-М., 1993. С. 63)

Отличие же от первоначального правового положения разных групп чагаров было вызвано разновременностью прихода на плоскость, различием условий, заключенных выходцами из разных мест с владельцами земли, что и породило разнообразие степеней зависимости от владельца (*Белобородов А.*, 1896. № 146).

Чагары имелись не только в шамхальстве (с середины XVII в. в Тарковском владении) и в Засулакской Кумыкии (в основном в селах Эндирей, Аксай и Костек (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 63), но и в Кайтагском уцмийстве, о чем говорится в ряде источников. Так, в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», где дается описание общественного строя и классовой структуры в Кайтаге «в прежние времена», чагары перечислены наряду с раятами. Среди прочей недвижимости, выделяемой из имения отца кайтагским чанка – бекам, здесь перечислены 12 дворов раят и 12 дворов чагаров (Федеральные отношения..., 1969. С. 186). Чагарами являлись жители сел. Туманлар и часть мусульманского населения Янгикента (Феодальные отношения..., 1969. С. 186). Имелись чагары и в отдельных селах Хамур-Дарго (или Утамышского султанства), в частности в Утамыше, которые принадлежали местным бекам (ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 43). По мнению Р.М. Магомедова, кроме жителей указанных сел чагарами являлась и часть жителей кумыкского селения Башлыкент (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 230). Он предполагал, что кайтагские чагары были терекемейцы и «кумыки то ли переселенцы, то ли беглые от кумыкских феодалов» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 230). По мнению П. Петухова, происхождение кайтагских чагаров было таким же, как и кумыкских чагаров – это «потомки военнопленных, поселенных беками на своих землях» (*Петухов П.*, 1867. № 12).

Если о кумыкских чагарах, как отмечалось и выше, имеются сообщения у Д.-М. Шихалиева, что это был «самый многолюдный класс» среди кумыкского населения, то о кайтагских чагарах мы не располагаем аналогичными сведениями. Имеется лишь примечание поручика Сотникова к собранному им материалу о Кайтаге, в котором указывается, что здесь находится «много так называемых чагаров» (Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв., 1965. С. 37).

Из его же сообщения можно понять, что чагары имелись и в других селениях Кайтагского уцмийства. Сотников писал: «Узденьями заселены Терекеме, 6 деревень в Маджалисском ущелье, селения Туманляр, Янгикент и Чумлы, частью пленными (горные деревни), частью выходцами из Дербента по приглашению в Маджалис и Янгикент» (Памятники обычного права... 1965. С. 37).

Переведенный на землю раб, очевидно, не мог сразу отделиться от хозяина и поэтому продолжал жить в его доме. «Крепостные люди (т.е. чагары. – Авт.), – писал М.Б. Лобанов-Ростовский, – живут обыкновенно в самом доме господина и занимаются всеми домашними и полевыми работами; женщины исполняют почти ту же самую службу, что мужчины, рубят дрова, ходят на жатву хлеба, молотят и в свободное время помогают господам своим в тяжелых работах. Сверх этих обыкновенных занятий молодые и пригожие почти всегда обязаны увеселять господ своих» (Лобанов-Ростовский М.Б., 2002. С. 28–29). Основываясь на имеющихся источниках и Р.М. Магомедов писал: «Часть чагаров жила в господском доме, занимаясь домашними и полевыми работами, а большинство сидело отдельными поселениями на земле феодала» (Магомедов Р.М., 1957. С. 180). Но со временем чагары отделялись от своего хозяина и заселялись в той части селения, где уже жили чагары. Это, как правило, были отдельные кварталы – у кумыков «авулы», которые находились недалеко от владельцев. Так, в Тарках был квартал под названием Чагар-авул (Белокуров С.А., 1890. С. 404). Такие же отдельные кварталы имелись, например, в с. Эндирей («Тюмень-чагар», «Адилъ-Гирей-чагар», Айдемир-чагар», «Темир-чагар»), Аксае («Адилъ-чагар», «Каплан-чагар») (Шихалиев Д.-М., 1993. С. 50–52). В Башлы, как и в Тарках, имелся «чагар-авул» (Гаджиева С.Ш., 1961. С. 114).

Из названий кварталов кумыкских сел, где селились чагары, видно, кому в прошлом они принадлежали. «Айдемир-чагар» принадлежал роду Айдемировых (Айдемир – сын Султан-Мута. – авт.); «Тюмень-чагар» и «Гирей-чагар» принадлежали роду Казаналиповых (Казаналип – сын Султан-Мута. – Авт.); «Адилъ-чагар» и «Каплан-чагар» принадлежали роду Алибековых (Алибек – сын Айдемира, внук Султан-Мута. – Авт.) (Шихалиев Д.-М., 1993. С. 50–52).

По сообщению Д.-М. Шихалиева, чагары последнего («Каплан-чагар») квартала вместе с Алибеком были переселены в с. Аксай, т.е. они были чагарами еще в с. Эндирей. Очевидно, что эти чагары перешли к Алибеку по наследству, от отца Айдемира. Интересны в связи с этим показания аксаевских князей о форме их заселения. По их утверждениям, предки чагаров, живущих в XIX в., раньше «были холопами и современные чагары потомками их, которым позволили жить в деревнях князей, а не во дворе» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 25).

Чагары, будучи посажены на землю феодала и находясь от последнего в личной и поземельной зависимости, несли в его пользу повинности. И, как отмечалось выше, повинности чагаров по отношению к своим владельцам «не были определены обычаем и совершенно зависели от воли владельца» (Гаврилов, 1868. С. 48; Дубровин Н., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 605). Здесь действовал полный произвол феодала (Иванов А., 1940. С. 64). Чагары обязаны были «выходить на работы владельца по требованию» (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158. Л. 5). Вместе с тем условия, заключенные с чагарами собственниками-феодалами, были различными и зависели как от местности, так и от воли каждого отдельного землевладельца-хозяина. Общим же для всех, как также было отмечено выше, независимо от

условий их образования и иных причин являлось то, чтобы несколько дней в году сеять, косить, убирать хлеб и свозить его в дом владельца (*Дубровин Н.*, 1871. С. 605).

Чагары не имели никаких прав на отведенную им владельцем землю, хотя занимали ее наследственно в виде обязанностей крестьян (ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 2). Вместе с тем право собственности на приобретения своим личным трудом признавалось за ними, как за всеми свободными лицами (ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 72-г. Л. 2). Кроме того, с разрешения владельца они имели право на его земле возводить дом, мельницу, разводить сады и т.д., хотя при этом пособия на обустройство хозяйством они не получали. Если владелец сам желал удалить чагаров, поселенных им на своей земле, тогда за приобретенное или заведенное личным трудом имущество он должен был заплатить чагарам, в противном случае чагар имел право уничтожить все, чего забрать не мог с собой. На это имущество владелец не имел никаких прав (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 23–24). Имущество чагаров переходило по наследству по мужской линии. Однако, если чагар не имел наследника мужского пола, то имущество его переходило к феодалу-владельцу земли за вычетом некоторой доли наследникам женского пола. Этот адат был отменен генералом А.П. Ермоловым (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99а. Л. 4).

Чагары без согласия хозяина не имели права переселения из одного аула в другой, от одного владельца к другому (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 28; *Он-и М.*, 1892. № 50). Как писал Н.Ф. Дубровин, хозяин брал с чагара «обязательство, чтобы, как он, так и семейство его и дети раз, поселившись на земле, не переселятся уже на другое место» (*Дубровин Н.*, 1872. С. 625). Речь в данном случае, конечно, может идти о чагарах-пришельцах, так как бывшие раяты и после переселения на землю оставались в личной зависимости от владельца. При переселениях чагара без согласия хозяина-владельца в другое селение последний имел право требовать его обратно (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99 а. Л. 4; *Хашаев Х.-М.*, 1961. С. 203).

Владелец мог продавать и наказывать своего чагара. Причем, как указывается в архивных материалах, по народным обычаям, до присоединения Дагестана к России «члены одного и того же семейства» не могли быть «проданы в розницу» (ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 72 г. Л. 1). Указывал на это и А.-К. Бакиханов, который писал следующее: «... в Дагестане есть деревни и отдельные семейства из купленных или военнопленных под названием чекар (потомственные невольники); они могут быть продаваемы владельцами по одиночке или семействами и находятся в полном их распоряжении» (*Бакиханов А.-К.*, 1948. С. 168; *Магомедов Р.М.*, 1957. С. 180). Далее он отмечал, что «владелец, убив такого раба, ни перед кем за это не отвечал. Убийца чекара не подвергался кровомщению» (*Бакиханов А.-К.*, 1948. С. 168; *Магомедов Р.М.*, 1957. С. 180).

Аналогичное утверждение в отношении чагаров Кайтагского уцмийства мы находим у П. Петухова, писавшего, что «беки имели право убивать чагара за ослушание» (*Петухов П.*, 1867. № 12). Вместе с тем, согласно другим источникам, владелец «не мог лишать жизни» чагара (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99-а. Л. 39). Но, как отмечалось выше, убийство чагара было сопряжено и с большой опасностью для хозяина. Позволим еще раз обратиться к Д.-М. Шихалиеву. Он писал: «Опасно было убить чагара, ибо убийцу весь класс их преследовал. В Андрееве, Аксае, Костеке, Тарках, Брагунах и вообще, где есть чагары, убийца был небезопасен; везде за ним невидимо следили чагары» (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 63–64).

Определенные изменения прав владельца на личность чагара имелись и при его купле–продаже. Прежде всего отметим, что чагар мог «быть продан только не иначе, как в тот самый округ, где он поселен» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 2002. С. 33). И второе, на что хотелось обратить внимание в этом вопросе: по праву купли–продажи, известному у кумыков под названием чагар-сату, купивший чагара не имел права продать его, не предупредив об этом прежнего владельца, а если у чагара несколько раз менялись владельцы, он должен был в обратном порядке предложить продаваемого чагара. Причем владелец чагара должен был продать его по той же цене, за которую купил он сам. В случае нежелания купить чагара бывшим владельцем он мог продать его другому, но по той же цене, за которую купил его, «в противном же случае излишек против покупной цены возвращался прежнему владельцу» (Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв., 1965. С. 213). Запрещалась продажа чагаров лицам, принадлежащим к другому обществу. Если же вопреки этого установления случались продажи, то проданные чагары возвращались продавцу (Памятника обычного права Дагестана XVII–XIX вв. 1965. С. 213).

Браки чагаров происходили в основном между собой, в редких случаях с низшими категориями узденства, и дети от такого брака считались также чагарами. Дети же узденей и чагарской женщины считались узденями. Владельцы чагаров на их брачные дела не имели влияния, последние не спрашивали у них разрешения ни при женитьбы сыновей, ни при выдаче замуж дочерей (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99-а. Л. 5). Права же женитьбы на княжне чагары не имели (ЦГА РД. Ф. 195. Оп. 2. Д. 6. Л. 24).

Чагары могли выкупиться на свободу, заплатив хозяину установленную сумму. «... Каждый из них, – писал М.Б. Лобанов-Ростовский, – имеет право выкупиться на волю, заплатив князю по 100 руб. серебром за душу» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 2002. С. 33). В архивном источнике сказано, что чагар мог выкупиться, заплатив хозяину от 50 до 200 руб. серебром, смотря по состоянию, как писала об этом С.Ш. Гаджиева (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 27; *Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 147). Но в то же время М.Б. Лобанов-Ростовский отмечал, что при всем этом, даже после освобождения рабское происхождение оставалось пятном, «не вдруг изглаживающееся в кумыкском обществе» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 2002. С. 29), или, как писал князь Хамзаев, «в роду неизгладимым пятном» (*Хамзаев*, 1865. № 68).

Как отмечается в работах отечественных исследователей советского периода, все чагары подвергались прямому внеэкономическому принуждению. «Феодал, – писала С.Ш. Гаджиева, – хотя и наделял своего чагара землей, все же сохранял за собой право в любое время заставить его работать на себя. Очевидно, присвоение земледельцем прибавочного труда чагара последовало в силу того, что земледelec являлся одновременно и господином непосредственного производителя. Таким образом, личная и поземельная зависимость в данном случае совпадают» (*Гаджиев С.Ш.*, 1961. С. 115).

Авторы, писавшие в досоветский период, отмечали, что чагары имелись только у князей. Так, М.Б. Лобанов-Ростовский отмечал: «Все чагары принадлежат князьям и разделяются на несколько обществ по княжеским домам, из которых вышли» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 2002. С. 33–34). Д.-М. Шихалиев отмечал, что «уздени не имеют своих чагаров и терекеме» (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 57). Это, впрочем, подтверждается и приведенными выше названиями кварталов

Эндирея и Аксяя, из которых видно, какому княжескому роду принадлежали те или иные чагары. Но отдельные исследователи пишут о наличии чагаров и у узденей. Так, С.Ш. Гаджиева, ссылаясь на кн. Хамзаева, отмечала: «Чагаров имели не только бии, но и отдельные уздени» (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 115). При этом она утверждала, что «узденские чагары находились в более тяжелых условиях», чем княжеские (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 115).

Резюмируя все сказанное, можно отметить, что среди всех сословных групп крестьянства Дагестана наиболее феодально-зависимыми – лично и поземельно и эксплуатируемыми были раяты и чагары. Приведенный материал раскрывает наличие разнообразных форм и путей образования этих сословных групп крестьянства, что определило и разнообразие их зависимости и эксплуатации, а также социально-правовое положение в обществе. Сословные группы крестьянства чагары и раяты имелись во всех регионах Дагестана, но они обладали рядом отличий, которые были характерны для них в том или ином феодальном владении. Причем, анализированный в статье материал подтверждает многочисленность лично зависимого крестьянства, а также ту трансформацию и дифференциацию, которая наблюдается в их среде, выражавшуюся в выделении зажиточной части, что не могло не привести и к определенным изменениям в политико-правовом положении этой части крестьянства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авалиани С.Л.*, 1914. Зависимые сословия на Северном Кавказе. Одесса.
- Акбиев А.*, 1998. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала.
- Акбиев А.*, 2000. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII в. Махачкала.
- АКАК, 1886. Тифлис.
- Алкадари Г.-Э.*, 1994. Асари Дагестана. Махачкала.
- Алиев Б.Г.*, 1962. Полевой материал // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.
- Алиев Б.Г.*, 1970. Полевой материал // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп.1 Д. 370.
- Алиев Б.Г.*, 1981. Полевой материал // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп.1 Д. 380.
- Алиев Б.Г.*, 1982. Полевой материал // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп.1 Д. 586.
- Алиев Б.Г.*, 1984. Полевой материал // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп.1 Д. 596.
- Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.С.-К.*, 1970. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала.
- Бакиханов А.-К.*, 1991. Гюлистан-и Иран. Баку.
- Белобородов А.*, 1895. Землевладение в Терской области // Терские ведомости.
- Белобородов А.*, 1896. Прошлое кумыков // Терские ведомости.
- Белокуров С.А.*, 1899. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел (1578–1613). М.
- Габиев С.*, 1906. Лаки // СМОМПК. Вып. 36. Тифлис.
- Гаврилов П.А.*, 1869. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Вып. III. Тифлис.
- Гаджиева С.Ш.*, 1961. Кумыки. М.
- Гаджиева С.Ш.*, 1990. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М.
- Гасанов М.Р.*, 1978. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX в. Махачкала.
- Гасанов М.Р.*, 1994. Очерки истории Табасарана. Махачкала.

Гюльденштедт И.А., 1809. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия Г-на академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб.

Дубровин Н., 1871. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб.

Ермолов А.П., 1862. Записки и приложения. 1816–1817. Ч. 1. М.

Иванов А., 1940. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. № 2. М.

Исаев А.А., 1986. Из истории освободительной борьбы в средневековом Кайтаге // Из истории освободительной борьбы народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала.

История Дагестана. 1967. Т. 1. Махачкала.

Ковалевский М.М., 1890. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М.

Кушева Е.Н., 1963. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М.

Лобанов-Ростовский М.Б., 2002. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков. 1843 года. Махачкала.

Магомедов Р.М., 1975. Дагестан. Исторические этюды. Вып. II. Махачкала.

Магомедов Р.М., 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 1. Махачкала.

Магомедов Р.М., 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала.

Маршаев Р.Г., 1957. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 3. Махачкала.

Маршаев Р.Г., 1951. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI–XVII веках // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 22.

Махмуд из Хиналуга, 1997. События в Дагестане и Ширване XIV–XV вв. Махачкала.

Минорский В.Ф., 1963. История Ширвана и Дербенда. X–XI вв. М.

Османов Г.Г., 1960. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ. АН СССР. Т. VII. Махачкала.

Петрушевский И.П., 1949. Очерки по истории феодализма в Азербайджане и Армении в XVI–XIX вв. Л.

Петрушевский И.П., 1968. Раят // Советская историческая энциклопедия. Т. II. М.

[*Петухов*]. П., 1867. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. Тифлис.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р., 1964. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы по истории народов Дагестана с древних времен до начала XX века. Махачкала.

Руновский А., 1862. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. Т. 8. СПб.

Умаханов М.-С.К., 1989. Социальная сущность термина «раят» в Дагестане // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала.

Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. 1969. М.

Х-ъ [Хамзаев]. 1865. Кое-что о кумыках // Кавказ. № 68. Тифлис.

Хашаев Х.-М., 1961. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 139-а.

ЦГА РД. Ф. 73. Оп. 1. Д. 8.

ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 24.

ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30.

ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6.

ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11.

ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11-б.

ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 72.

ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 11-б.

ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1.

ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 2.

ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4-б.

ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 6.

ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 21.

Шихалиев Д.-М., 1993. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала.

Шихсаидов А.Р., 1975. Дагестан в X–XVI вв. Махачкала.

Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р., 1992. Дагестанские исторические сочинения. М.

Юшков С.В., 1938. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане // УЗ Свердловского госпединститута (исторический). Вып. 1. Свердловск.